

УДК 81-114

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ РУССКОЙ РЕЧИ И АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Культурно-речевая ситуация выступает важнейшим показателем духовного здоровья общества и его приоритетных интересов. Состояние культуры речи этносоциума должно быть объектом пристального и доброжелательного внимания государства. Такое отношение власти особенно востребовано, когда дело касается напрямую уровня общения на языке, который конституционно признан государственным и при этом является родным для большинства населения страны. Оно имеет также конституционно установленный статус государствообразующего народа.

Цель статьи – анализ влияния заимствований на русскую ментальность и попытки на законодательном уровне контролировать ситуацию.

Методы исследования: когнитивный, дискурсивный, метод критического анализа документов.

Результаты исследования. С помощью языка, прежде всего его словарного состава, строится языковая картина мира и происходит передача основополагающих ментальных черт от поколения к поколению. Тем самым осуществляется трансляция известных традиционных духовно-нравственных ценностей, их воспитание в подрастающем поколении, закрепление достижений национальной культуры.

Однако сегодня состояние культуры общения на русском языке в России вызывает весьма тревожные опасения. Примерно за истекшие три последних десятилетия произошло массированное вторжение неоправданных лексических заимствований, заметно искажающих языковую картину мира, привычную для коренных носителей русского языка, и заместивших исконные обозначения концептуально важных понятий.

Выводы. Государство время от времени уделяет некоторое внимание вопросам речевой культуры граждан. Но реакции на проблемы использования русского языка лишь изредка получают юридическое выражение в малоизвестных документах, которые, как правило, палиативны.

Ключевые слова: русский язык, национальная ментальность, языковая картина мира, культура речи, заимствования, англицизмы, языковая политика государства, воспитание молодежи.

Постановка проблемы. Национальный язык пронизывает и обеспечивает жизнь этносоциума во всех многообразных видах его деятельности. Фактор общего языка является одним из главных, связывающих воедино население разных территорий страны. Обильная информация, сохраняемая и транслируемая с помощью языка его носителями, поддерживает важнейшее ощущение общности между обитателями даже значительно удаленных друг от друга местностей и представителями разных поколений, не только существующих

в одно и то же время, но и разделенных естественным ходом истории. Язык, выступая как средство созидания культуры, является при этом и совершенно неотъемлемой ее частью. Таким образом, национальный язык фактически выполняет функцию фундаментальной *духовной скрепы*, важность которой для этноса невозможно переоценить.

Для поддержания успешного речевого общения необходима официальная и четкая языковая политика, гармонирующая с другими реализациями политической воли государства, – особенно если оно постоянно декларирует свою суверенность.

Обзор научной литературы. Само понятие «языковая политика» трактуется иногда по-разному. Ср.: «языковая политика – совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» [Дешериев, 1990, с. 616] – и: «языковая политика представляет собой сознательное воздействие государства на функционирование языка в обществе, находящемся в пределах той или иной государственной или административной территории» [Герд, 1995, с. 6].

Языковая политика ведется всегда и везде, и «даже если ее нет в целенаправленном виде, стихийно она как-то проводится» [Алпатов, 2003, с. 26]. Иначе говоря, для операций в сфере регламентации речевого общения вовсе не обязательно наличие нормоустанавливающих документов¹.

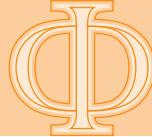
Кроме того, эта политика неизменно основывается на неких идеологических принципах, пусть и «не обязательно осознанно» [Алпатов, 2003, с. 20], в том числе и тогда, когда «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (Конституция РФ) – ср., однако, эрзац-заменитель идеологии в виде пакета *традиционных духовно-нравственных ценностей*.

Между тем любому квалифицированному лингвисту хорошо известно: «Всякий язык выполняет ту или иную идеологическую функцию» [Герд, 2009, с. 6]; слово каждого национального языка идеологично – такова природа лексического значения.

Наряду с этим идеология пропитывает, по существу, все сферы бытования человека и общества. Она совсем не обязательно должна формализоваться в лозунгах, декретах и т.п. Ведь «идеология <...> оказывается во всем. И ее нельзя уловить ни в чем» [Зиновьев, 1990, 1, с. 226].

Среди функций языка чрезвычайно редко называют функцию обеспечения и сохранения национальных (этнических, этносоциальных) ментальных кодов. «Ментальность – это миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [Колесов, 2004, с. 15]. Язык, прежде всего его словарный состав, консервирует с предполагаемой реализацией в настоящий момент или в перспективе некие долговременно устойчивые этноментальные черты носителей данного

¹ См. примеры двуязычия: Васильев А.Д. Вариативные выражения универсальных оппозиций: в 2 т. Красноярск, 2020. Т. 1. С. 146–150.

языка и служит регулятором их поведения. Именно лексика фиксирует участки аксиологической шкалы – от абсолютно ‘хорошего’ до безусловно ‘плохого’, разграничивая ‘свое’ и ‘чужое’. Именно лексика формирует языковую картину мира: выраженную словами совокупность знаний, приобретенных человеком в процессе освоения окружающего мира, – и, конечно, понимания самого себя.

Если же заполнить повседневную речь чужезычными заимствованиями (синхронно – и элементами чуждой культуры), то национальная картина мира неизбежно трансформируется, и чем большее количество заимствованных слов находится в активном обороте, тем радикальнее перекраивается мировидение по иноземным лекалам. Это происходит совсем не в интересах большинства коренного населения (ср. истории колоний, в которых насаждались языки метрополий). А «момент заимствования вполне определенно оказывается моментом утраты национального концепта, причем обедняется русская ментальность и оскапливается ментальный ряд» [Колесов, 2004, с. 122].

Результаты исследования. Бурный и мутный приток англицизмов в русскую лексику, сопровождавшийся псевдонаучными измышлениями о высочайших достоинствах английского языка и, соответственно, глубокой ущербности русского, широко тиражировался российскими СМИ².

Конечно, эти пропагандистские процессы не были случайными: ведь «всегда есть какие-то словесно выраженные ведущие идеи “властителей дум” данной эпохи» [Бахтин, 1986, с. 283]. Таковыми оказались, по крайней мере, два известных речения. Первое – пафосный призыв первого российского президента, произнесенный в американском конгрессе: «God, bless America!» (17.06.1992); второе принадлежит его преемнику, несколько запоздало признавшему наконец публично: «Мы считали, что мы свои, “буржуинские”»³. Таким образом были выражены светлые чаяния российско-компрадорской «элиты».

Начался многолетний период подобострастия перед Западом: эпоха противостояния якобы закончилась, вспыхнула демонстративная дружба, российские энергоносители благосклонно принимались странами НАТО и т.п.⁴ В свою очередь, языковая картина мира обитателей России, особенно их молодого

² См.: Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словаупотребления. М., 2003. С. 103–116; Васильев А.Д. Лингвокультурные процессы и возможности их прогнозирования. М., 2017. С. 57–64; Васильев А.Д. Терминологические аспекты современной российской языковой политики // Сибирский филологический форум. 2021. № 2. С. 37–46; Васильев А.Д. Нескромное обаяние англицизмов: магнетизм темных слов // Сибирский филологический форум. 2022. № 1(18). С 40–50.

³ Путин. 13.06.2023. tass.ru

⁴ С историко-культурной точки зрения подобное далеко не ново: ср. дворянскую галломанию XVIII–XIX вв. [Васильев, 2017], позднее – «...Что у нас об одной Америке рассказывают, так это – страсть, и государственные даже люди!» (Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 10 т. М., 1957. Т. 8. С. 228); теперь: «Второй Любимый Помощник [российского президента] долго говорил о многовековой любви России к Франции и даже умудрился представить войну 1812 года чем-то наподобие совместных натовских учений» (Поляков Ю.М. Небо падших. М., 2009. С 128).

поколения, была решительно изменена с помощью массированного внедрения в речевую практику англоязычной лексики.

Процессы заимствования с точки зрения лингвистической науки вполне объективны. Как правило, они имеют социальную базу⁵, в которой находят своих инициаторов и трансляторов. Современные явления в этой сфере отличаются определенным своеобразием: их насаждение с самого начала российских великих реформ было пропагандистски обусловлено, по крайней мере, двумя причинами, впрочем, взаимосвязанными.

Во-первых, заимствования не обладают внутренней формой⁶, внятной носителям автохтонного языка: их присутствие разрушает семантическую непрерывность словаря (Ю.Н. Караполов), то есть автоматически лишает языковую картину мира ее цельности и непротиворечивости (пусть даже относительной) и делает ее дискретной. Вследствие этого атомизируется этносоциум.

Во-вторых, обработка массового сознания заведомо непонятными словами («бомбардировка, подобная метеоритному дождю» [Лотман, 1996, с. 22]) делает общество податливым и/или безучастным к обозначаемым ими нововведениям, вряд ли для него благотворным [Ильс, Янченко, 2007].

Политические катаклизмы нередко получают выражение и в межъязыковых контактах/конфликтах. Так, свифтовские лилипуты-триумфаторы принуждают побежденных ими блефусканцев вести переговоры о капитуляции на лилипутском языке. Известно: «принять язык противника – значит незаметно для себя стать его пленником» [Кара-Мурза, 2002, с. 425]. – «...Заставить информационную систему [то есть человека или социум] “с м о т р е тъ н а м и р чужими глазами”, глазами той информационной системы, на которую данная система должна стать похожей, то есть г л а з и э т а л о н а» [Расторгуев, 2003, с. 136] – это и есть важнейший результат информационно-психологической войны.

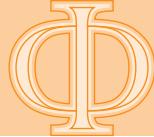
Многочисленные общеизвестные факты сегодняшней российской речевой коммуникации дают основания утверждать, что вследствие чрезмерного насыщения англоязычными лексическими элементами возникает некое подобие псевдорусской смеси – новоявленного пиджина (см. [Бондалетов, 1987, с. 58]).

Массированные атаки именно на русский язык объясняются тем, что он является языком государствообразующего народа. Справедливы суждения: «Язык – единственная сила, которая еще осталась у нас как возможность развития культуры» [Колесов, 1999, с. 226] – и: «Язык снова выступает как знак, как символ⁷ и знамя борьбы за спасение своего народа» [Герд, 2009, с. 2].

⁵ См.: Васильев А.Д. Лингвокультурные процессы и возможности их прогнозирования. М., 2017. С. 76–107; Васильев А.Д. Вариативные выражения универсальных оппозиций: в 2 т. Красноярск, 2020. Т. 1. С. 97, 141 и др.

⁶ «Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль <...>. Внутренняя форма – ближайшее этимологическое значение слова» [Потебня, 1976, с. 115, 175].

⁷ Кстати: ст. 68 Конституции РФ о русском как государственном языке предшествует статьям о флаге, гимне и гербе страны. Таким образом, русский язык фактически признается главенствующим символом государства.

Но язык – еще и средство передачи от поколения к поколению его коренных носителей своеобразно сакральных знаний: словесных обозначений национально-ментальных концептов, то есть той суммы информации, которая и определяет национальную самобытность и естественные достоинства собственно *народа* (а не *населения*). Язык является и орудием воспитания: «практически все же удается желанные [при воспитании] идеалы более или менее точно охватить языковыми выражениями» [Комлев, 2003, с. 174]. Ведь «основной принцип воспитания – это формирование творчески ориентированного гражданина своего Отечества» [Колосов, 1999, с. 138]; то есть подготовка полноценного творца-созидающего, а вовсе не «квалифицированного потребителя» (А. Фурсенко). Понятно, что макароническая речь отнюдь не помогает становлению патриотизма, который вдруг оказался чрезвычайно востребованным государством после февраля 2022 г.⁸

Однако насколько возможно еще исправить российскую речекоммуникативную ситуацию хотя бы в отношении словоупотребления, сказать довольно затруднительно. Результаты недавних исследований говорят о том, что в речи групповой языковой личности студенчества «новейшая ксенолексика, представленная англо-американской составляющей, весьма значительна. Речь представленной социальной группы состоит из комбинации русских и англо-американских слов и выражений. Эти явления свидетельствуют: 1) о космополитичности студенчества <...>, ориентации на западноевропейскую культуру; 2) о приоритете владения английским языком по отношению к другим языкам»⁹, – отмечает исследователь Л.С. Савилова¹⁰.

Конечно, было бы несправедливо утверждать, что всевидящее государство совсем не обращает внимание на речевое поведение своих подданных. После 1991 г. был принят ряд законов о языке¹¹. Был учрежден Совет по русскому языку, правда, ставший известным лишь по телетрансляции одного из его заседаний [Васильев, 2021]. Затем по непонятным публике причинам вместо него возник другой орган.

Название новоурожденного Совета по реализации госполитики в сфере поддержки русского языка и языков народов России семантически предельно прозрачно: союз и указывает, что русский более не является одним из языков Российской Федерации¹². Весьма пестрый, как и его предшественника, персональный состав

⁸ Столь же недвусмысленно и название научной специальности «Русский язык. Языки народов России» – и здесь русский решительно противопоставлен всем остальным языкам, функционирующими на территории Российской Федерации. По каким-то причинам фактически нарушена ст. 68 Конституции РФ, но этого никто не заметил.

⁹ Получается, что и к русскому – тоже.

¹⁰ Савилова С.Л. Новейшая иноязычная лексика в русском студенческом социолекте XXI века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2016.

¹¹ См. об этом: Васильев А.Д. Российская языковая политика 1991–2005 гг. Красноярск, 2008.

¹² Столь же недвусмысленно и название научной специальности «Русский язык. Языки народов России» – и здесь русский решительно противопоставлен всем остальным языкам, функционирующим на территории Российской Федерации. Фактически нарушена ст. 68 Конституции РФ.

этого органа, включающего в том числе широкий диапазон администраторов – от директоров музеев писателей до никому неведомых предводителей многодетных семей и выпускниц иняза¹³ – и актеров под председательством театральной критикессы, готовит эпохальные лингвополитические свершения. В частности, предполагается сътворение Основ государственной языковой политики, внесение изменений в закон «О государственном языке Российской Федерации»¹⁴.

Видимо, для придания усилиям совета дополнительной энергии в его заседании 5 июня 2025 г. принял участие президент, в частности, посетивший на «кашу из латиницы и других символов» (газета.ru). Конечно, это совершенно верное замечание. Но что будет предпринято реально в целях исключения из языковой картины мира «уважаемых россиян» тех избыточных экзогенных элементов, которые уже успели в ней укрепиться, – пока совершенно непонятно.

Тем более что проблема не ограничивается лишь засильем псевдопрестижной латиницы. Чуть ли не любое массовое мероприятие в России именуется по-английски; почти всякое предприятие, заведомо не имеющее международных связей, называется по-английски либо с использованием англоязычных компонентов [Васильев, 2020, с. 171–179]; в широком речевом общении укоренились бук-кроссинг, избинг и маминг, а также мастихэв и мастирид и т.д. и т.п. Вероятно, президенту еще не раз придется участвовать в заседаниях совета по реализации его собственных предложений. Ведь сегодняшняя обыденная россиянская речь все более уподобляется описанной ранее речи русских американцев образца 1925 г., которые называли «трамвай – стриткарой, угол – корнером, квартал – блоком, квартиранта – бордером, билет – тикетом»¹⁵.

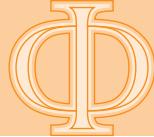
Последним зрымым свидетельством государственного интереса к проблемам языковой политики стало внесение изменений в некоторые акты РФ, утвержденные президентом 24.04.2025 (№ 168-ФЗ) и активно одобренные в СМИ. Но ничего направленного на какие-то радикальные изменения культурно-речевой ситуации здесь нет. Более того, пропагандистская невнятица рискует быть умноженной за счет фигурирующего в документе мифогена *общероссийская культурная идентичность*, семантически совершенно неопределенного, но, видимо, гармонизирующего с запущенным ранее мифогеном *общероссийский патриотизм*¹⁶.

¹³ Привлечение специалистов по иностранным языкам к решению задач русистики стало своеобразной традицией. Между тем известно, что многие из них способны сводить «все земное мышление <...> к категориям и формам английского языка» [Колесов, 2004, с. 15].

¹⁴ Впрочем, даже слова высшего должностного лица подвергаются в СМИ беззастенчивому политкорректному редактированию. Так, выступая на ПМЭФ 21.06.2025, В. Путин сказал: «Где ступает нога *русского* солдата, то *наше*». В интерпретации РИА Новости получилась квазицитата: «заявление Путина <...> про принадлежность земли, на которую ступила нога *российского* солдата». Напомним, что англ. Russian, по существу, синкетично: это и ‘русский’, и ‘российский’.

¹⁵ Маяковский В.В. Мое открытие Америки // Избранное. А. Блок. С. Есенин. В. Маяковский. М., 1979. С. 646.

¹⁶ URL: <https://www.vesti.ru/article/2020943>

Не очень понятно, как эти два политтехнологических изобретения будут сочетаться с фантомным *русским миром* [Васильев, 2024, с. 194–196]. Таким образом, пока что результатом усилий в рассматриваемой области становится нарастающая эклектичность малоубедительной пропаганды.

Выводы. Некоторые особенности российской культурно-речевой ситуации позволяют говорить о том, что русский язык, перенасыщенный лексическими англизмами, превращается в разновидность пиджина, языка-мутанта, гибридный артефакт. В языковом плане суверенитет РФ может быть взят под сомнение. Острота проблемы подчеркивается тем серьезным обстоятельством, что наплыв заимствованных слов ведет к деформации языковой картины мира в интересах зарубежных «партнеров»-распорядителей и утрате национальной ментальности, которой у «россиян», в отличие от собственно русских, нет и быть не может. В конечном счете это исчезновение государствообразующего народа: понятно, что в таком случае произойдет с самим государством (надо учитывать и демографические реалии – тоже следствие послесоветских социально-экономических преобразований). Сporadические попытки власти реагировать на очевидные тенденции и их промежуточные итоги воплощаются иногда в документах паллиативного характера, поэтому затруднительно считать российскую языковую политику осмысленной и благотворной для большинства населения.

P.S. Текст этой статьи был уже готов к публикации, когда появился указ № 474 «Об утверждении основ государственной языковой политики Российской Федерации». Конечно, документ заслуживает глубокого анализа. Выскажем здесь лишь наиболее общее впечатление от него. С одной стороны, в данном указе есть много логичных положений; с другой – имеются пункты, формулировки которых либо недостаточно продуманы, либо явно нуждаются в более тщательном и недвусмысленном словесном выражении.

Библиографический список

1. Алпатов В.М. Что такое языковая политика? // Мир русского слова. 2003. № 2. С. 20–26.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 250–296.
3. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. М., 1987. 160 с.
4. Васильев А.Д. Вариативные выражения универсальных оппозиций: в 2 т. Красноярск, 2020. Т. 1. 368 с.
5. Васильев А.Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб., 2013. 660 с.
6. Васильев А.Д. Манипуляции словами: управление сознанием: учебное пособие. Красноярск, 2024. 256 с.
7. Васильев А.Д. Некоторые юрислингвистические аспекты Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» // Юрислингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово. Кемерово, 2011. С. 116–124.

8. Васильев А.Д. Освоение языка автохтонного и языка экзогенного: потребности естественные и искусственные // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2021. № 1 (55). С. 113–121.
9. Герд А.С. Язык как символ // ЯЛИК. 2009. Ноябрь. № 79. С. 1–2.
10. Герд А.С. Языковая политика // Возрождение культуры России: язык и этнос. СПб., 1995. Вып. 3. С. 6–19.
11. Дешериев Ю.Д. Языковая политика // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. 683 с.
12. Зиновьев А.А. Зияющие высоты. Ч. 1. М.: Пик, 1990. 317 с.
13. Ильс К., Янченко В. В начале слово. СПб., 2007. 230 с.
14. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2002. 490 с.
15. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999. 368 с.
16. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004. 240 с.
17. Комлев Н.Г. Слово в речи. Денотативные аспекты. 2-е изд. М., 2003. 216 с.
18. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. 464 с.
19. Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 35–220.
20. Растворгусев С.П. Философия информационной войны. М., 2003. 496 с.

Сведения об авторе

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

QUESTIONS OF RUSSIAN SPEECH CULTURE AND ASPECTS OF RUSSIAN LANGUAGE POLICY

A.D. Vasiliev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The cultural and speech situation is an important indicator of the spiritual health of society and its priority interests. The state of ethnosocietal speech culture should be the object of close and benevolent governmental attention. This attitude of the authorities is especially in demand when it comes directly to the level of communication in a language that is constitutionally recognized as the state language and at the same time is native to the majority of the country's population. It also has the constitutionally established status of a State-forming people.

The purpose of the article is to analyze the impact of borrowings on the Russian mentality and attempts to control the situation at the legislative level.

Research methods: cognitive, discursive, method of critical analysis of documents.

Research results. With the help of language, first of all, its vocabulary, a linguistic picture of the world is built and fundamental mental traits are transmitted from generation to generation. This translates well-known traditional spiritual and moral values, their inculcation into the younger generation, and consolidation of national cultural achievements.

However, today the state of Russian communication culture in Russia raises worrying concerns. Over the past three decades, there has been a massive invasion of unjustified lexical borrowings, which noticeably distort the linguistic picture of the world familiar to native speakers of Russian and replace the original designations of conceptually important concepts.

Conclusions. From time to time, the state pays some attention to the issues of speech culture of citizens. But reactions to the problems of using the Russian language only rarely receive legal expression in little-known documents, which, as a rule, are palliative.

Keywords: *Russian language, national mentality, linguistic picture of the world, culture of speech, borrowings, Anglicisms, language policy of the state, education of youth.*

References

1. Alpatov V.M. *CHto takoe iazykovaia politika?* [What is language policy?]. In: *Mir russkogo slova* [The World of the Russian Word], 2003, 2, 20–26.
2. Bakhtin M.M. *Problema rechevykh zhanrov* [The Problem of Speech Genres]. In: *Èstetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, 1986, 250–296.
3. Bondarev V.D. *Sotsial'naia lingvistika* [Social Linguistics]. Moscow, 1987. 160 p.
4. Vasiliev A.D. *Nekotorye iurislingvisticheskie aspekty Federal'nogo zakona "O gosudarstvennom iazyke Rossiiskoi Federatsii"* [Some Legal Linguistic Aspects of the Federal Law “On the State Language of the Russian Federation”]. In: *IUrilingvistika-11: Pravo kak diskurs, tekst i slovo* [Legal Linguistics-11: Law as Discourse, Text and Word]. Kemerovo, 2011, 116–124.
5. Vasiliev A.D. *Igry v slova. Manipulativnye operatsii v tekstakh SMI* [Word Games. Manipulative Operations in Media Texts]. St. Petersburg, 2013. 660 p.

6. Vasiliev A.D. *Variativnye vyrazheniya universal'nykh oppozitsii* [Variable expressions of universal oppositions]. Vol. 1. Krasnoyarsk, 2020. 368 p.
7. Vasiliev A.D. *Osvoenie iazyka avtokhtonogo i iazyka ékzogennogo: potrebnosti estestvennye i iskusstvennye* [Mastering the autochthonous and exogenous languages: natural and artificial needs]. In: *Vestnik KGPU im. V. P. Astaf'eva* [Bulletin of KSPU named after V.P. Astafiev], 2021, 1, 113–121.
8. Vasiliev A.D. *Manipuliatsii slovami: upravlenie soznaniem: ucheb. pos.* [Manipulation of words: consciousness management]. Krasnoyarsk, 2024. 256 p.
9. Gerd A.S. *IAzyk kak simvol* [Language as a symbol]. In: *IALIK* [YALIK]. November 2009, 79, 1–2.
10. Gerd A.S. [Language policy]. In: *IAzykovaia politika // Vozrozhdenie kul'tury Rossii: iazyk i étnos* [Revival of Russian culture: language and ethnus]. St. Petersburg, 3, 1995, 6–19.
11. Desheriev Yu.D. *Yazykovaya politika* [Language policy]. In: *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sov. encyclopedia, 1990. 683 p.
12. Zinoviev A.A. *Ziyayushchie vysoty* [Yawning Heights]. Part 1. Moscow: Peak, 1990. 317 p.
13. Ils K., Yanchenko V. *V nachale slovo* [At the Beginning the Word]. St. Petersburg, 2007. 230 p.
14. Kara-Murza S.G. *Manipuliatsiia soznaniem* [Manipulation of Consciousness]. Moscow, 2002. 490 p.
15. Kolesov V.V. “*Zhizn' proiskhodit ot slova...*” [“Life Comes from the Word...”]. St. Petersburg, 1999. 368 p.
16. Kolesov V.V. *Iazyk i mental'nost'* [Language and Mentality]. St. Petersburg, 2004. 240 p.
17. Komlev N.G. *Slovo v rechi. Denotativnye aspekty. 2-e izd.* [Word in Speech. Denotative Aspects]. 2nd ed. Moscow, 2003. 216 p.
18. Lotman Yu.M. *Vnutri myслиashchikh mirov* [Inside Thinking Worlds]. Moscow, 1996. 464 p.
19. Potebnya A.A. *Mysl' i iazyk* [Thought and Language]. In: Potebnya A.A. *Éstetika i poëtika* [Aesthetics and Poetics]. Moscow, 1976, 35–220.
20. Rastorguev S.P. *Filosofia informatsionnoi voïny* [Philosophy of Information Warfare]. Moscow, 2003. 496 p.

About the author

Vasiliev, Aleksandr D. – DSc (Philology), Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: vasileva@kspu.ru